

Исследования текста и дискурса

УДК 81'276.6:34

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на материале нотариальных текстов)

А.В. Бородина

Тверской государственный университет, Тверь

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношения дискурса и текста в свете специфики юридического дискурса. Обращается внимание на особенности юридического семиозиса. На примере нотариальных текстов обсуждается сопряжение правовых и лингвистических категорий в целях адекватного описания и более глубокого осмысления процессов, протекающих в юридических текстах, с позиций лингвистики и междисциплинарного интегративного подхода.

Ключевые слова: юридический текст, юридический дискурс, семиозис, теория речевых актов, перформативность, принудительная сила государства.

Для многих лингвистов и переводоведов отправной точкой в исследовании проблематики взаимоотношения дискурса и текста стало высказывание И.П. Сусова о том, что «текст выступает... в виде “информационного следа” состоявшегося дискурса» [14: 40]; использование методов анализа дискурса / критического дискурс-анализа позволяет по этому следу пройти. Так, В.Е. Чернявская полагает, что при анализе дискурса «через видимые в текстах языковые единицы реконструируется рамочная структура целого фрейма и далее выводится “коллективное знание”» [17: 147]. Схожей логики придерживаются представители юридической герменевтики: культура той или иной страны обуславливает ее правовую культуру, отражаемую, фиксируемую и воспроизводимую в письменных текстах и устной речи в сфере права, будучи «механизмом конструирования и воспроизводства правовой реальности» [18: 331]; следовательно, дискурс-анализ соответствующих юридических текстов позволяет интерпретировать и реконструировать сам юридический дискурс или его отдельные аспекты. Кроме того, в рамках критического анализа дискурса Н. Фэркло текст (текстуализация) может быть использован для анализа дискурсивных практик (данный методический приём неоднократно применялся автором статьи для анализа собственного опыта переводчиков [3; 4]) или рассматриваться как вербализованное дискурсивное событие [15: 201–202]. Достаточно подробный обзор современной научной литературы по вопросу соотношения текста и дискурса вне зависимости от их институциональной принадлежности представлен в [13: 67–75].

Исследователь юридического дискурса И.В. Палашевская считает, что «действия участников дискурса институционально объективируются в виде

текстов-документов (протоколы следственных действий, обвинительный акт, нотариальные действия – доверенности, завещания, извещение о наследстве, судебные действия – протокол судебного заседания и т.п.)», причём «сам документ при этом может быть рассмотрен как форма существования определенной ситуации юридического дискурса», выступая в качестве его текстуального / документального / статического измерения в отличие от динамического измерения самого дискурса [12: 146]. Думается, что на сегодняшний день именно Палашевская ближе всех остальных отечественных учёных-лингвистов подошла к определению сущности взаимоотношения юридического дискурса и юридического текста, чем до недавнего времени занимались лишь праведы. В частности, в российском нотариальном дискурсе как разновидности юридического дискурса, а также законодательстве о нотариате доминирует термин «нотариальное действие», подразумевающий институциональное действие главного субъекта / агента нотариального дискурса – нотариуса, причём В.В. Ярковым отмечается «многозначная природа нотариального действия, которая заключается в его динамическом и статическом смыслах» (цит. по: [1: 35]). Е.М. Батухтина выделяет не смыслы, но значения нотариального действия – динамическое (процесс изготовления документа в предусмотренном законом порядке нотариального производства) и статическое (факт достижения цели совершения какого-либо действия, но не сам документ) [цит. раб.: 37]. Тем самым термин «нотариальное действие» в большей степени акцентирует внимание на самом процессе, а не его результате в виде нотариального оформленного документа, что может вызывать затруднение при понимании и осмыслении сущности российского нотариального дискурса неюристами и представителями иной правовой лингвокультуры, а также при юридическом (нотариальном) переводе.

В данной связи праведы вводят в научный оборот и предлагают законодательно закрепить понятие «нотариальный акт». С лингвистической точки зрения это также целесообразно, ибо указанный термин вполне уместен для адекватного обозначения существующего взаимоотношения между нотариальным дискурсом и его текстами, поскольку значение слова «акт» сохраняет оба аспекта нотариального действия как единицы нотариального дискурса – собственно действие / его интенция и официальный документ – текст как его объективированный результат: «в юридическом контексте термином акт обозначается и выражение воли, влекущее юридическое последствие, и письменный документ, который фиксирует это выражение» [цит. раб.: 38]. Наряду с этим, использование термина «нотариальный акт» позволяет сохранить двойственную специфику нотариального дискурса – его публичное и частное начала: «под нотариальным актом в общем смысле можно понимать юридический акт частного права, обеспечивающий возникновение, изменение и прекращение соответствующих правоотношений, которому специально уполномоченным субъектом (нотариусом), действующим в рамках своей компетенции, на основе норм права придается форма публичного

документа» [цит. раб.: 41]. Кроме того, введение термина «нотариальный акт» в российский юридический дискурс позволяет существенно облегчить участь юридических (нотариальных) переводчиков, так как данный термин, как и слово «акт», имеет схожие значения во многих языках, включая французский, немецкий, английский языки («*l'acte notarié / acte notarial*», «*der Notarakt*», «*notary act*»).

Наряду с этим представляется, что между юридическим дискурсом и юридическими текстами также существует некая глубинная связь, обусловленная спецификой властных отношений в юридическом дискурсе, которая в целом пока ещё не попадала в поле зрения лингвистов и переводоведов. С одной стороны, власть рассматривается как конституирующий элемент любого дискурса через призму критического дискурс-анализа Н. Фэркло, на который существенно повлияли идеи М. Фуко [15: 195]; на многие постулаты М. Фуко также опирается М.Л. Макаров в своих «Основах теории дискурса» [10: 99–100]. Если П. Серио определяет дискурс как «социально или идеологически ограниченный тип высказывания» в качестве одного из предложенных им восьми значений термина «дискурс» [8: 228], то для Фуко это становится ключевой методологической предпосылкой для изучения специальных дискурсов, в которых властные отношения представлены более выпукло [5: 51–52]. С другой стороны, Фуко непосредственно выделяет политико-юридический дискурс (в английском переводе «*legal / juridico-political discourse*»), ибо в нём власть дискурса проявляется особенно наглядно, будучи эксплицирована нормативными предписаниями и санкциями государства [26: 87–89]. (П. Бурдьё, современник и «коллега по цеху» М. Фуко, французский философ и социолог, но также исследователь проблем взаимодействия языка, власти и права, хотя в этом качестве практически неизвестный отечественной лингвистике (за исключением В. Кашкина [9: 204–206]), в том же духе использует понятие «юридический дискурс» – в английском переводе «*legal discourse*», полагая, что в конечном итоге данный вид дискурса претендует на абсолютную власть [24: 42]). При этом юридический дискурс влияет на своих создателей и последующую правовую коммуникацию, объективированную в текстах: «ситуации, институты и социальные структуры формируют дискурсивное событие (текст, дискурсивную практику, социальную практику), а дискурсивное событие в то же время формирует их» [15: 201]. О специфике обоюдонаправленной власти юридического дискурса, (вос)производящей своих субъектов, также пишет Дж. Батлер, опираясь на концепцию Фуко:

«Foucault points out that juridical systems of power produce the subjects they subsequently come to represent... But the subjects regulated by such structures are, by virtue of being subjected to them, formed, defined and reproduced in accordance with the requirements of those structures» [25: 4].

В связи с этим уместно предположить, что власть юридического дискурса по-своему затрагивает процессы семиозиса: в отличие от других семиотических

систем, в которых «некая система начинает действовать, наделяя смыслом что-то такое, что первоначально этим смыслом не обладало, при этом некоторые элементы этого “что-то” возводятся в ранг означающих» [21: 27], в правовой системе означаемое фактически (вос)создаётся означающим, а синтаксические отношения между ними конструируются, выстраиваются и воспроизводятся, будучи обусловлены целенаправленной прагматической мотивацией эмитентов юридических текстов. Интерпретация в данном случае ограничивается дискурсивными рамками, поддерживаемыми, в том числе, посредством экстралингвистических механизмов – юридических властных санкций со стороны тех, кто «направляет и моделирует не независимый ход процессов означивания» [цит. раб.: 528], контролируя «условия, при которых нечто становится знаком» [7: 14]. Подобные санкции не обязательно связаны с наказанием, но почти всегда – с принуждением со стороны уполномоченного на то органа власти («*legal authority*») [23: 507]. Тем самым «любая идея, принятая и словесно оформленная законодателем, автоматически приобретает высший потенциал влияния на мнение и поведение общества и индивидов» [6: 53]. Этим обусловлено такое сущностное свойство юридического дискурса, как принудительная сила государства [5: 51–53]. (Правоведы склонны называть указанное свойство тетической связью (предположительно от лат. *tetini* – «владеть», «обязывать», «командовать», «связывать») явлений, событий, процессов материального мира, которая

«...возникает между ними в силу воли нормодателя, воплощается в определённой правовой норме и основывается на велении, приказе властного субъекта (государства). Отпадает властность данной нормы – исчезает и связь, хотя (фактические) обстоятельства, указанные в правовой норме, остаются» [16: 20]).

Принудительная сила государства как свойство юридического дискурса, в свою очередь, влияет на юридические тексты, которые изначально не отличаются от остальных (за исключением терминологии и прочих языковых средств, характерных для соответствующих функциональных стилей и подстилей) до тех пор, пока не будут соблюдены обязательные условия-конвенции для инкорпорирования этих текстов в юридический дискурс. Для нотариальных текстов подобные конвенции, в частности, включают «использование государственного (русского) языка, проставление даты совершения нотариального действия, и указание места, указание на должностное лицо, удостоверяющее нотариальный акт (нотариус, лицо, исполняющее обязанности нотариуса, и лица, уполномоченные в соответствии с национальным законодательством на совершение нотариальных действий), проставление удостоверительной надписи установленного образца в зависимости от вида нотариального действия; наличие обязательных реквизитов (подписи сторон, подпись нотариуса, проставление гербовой печати нотариуса» [1: 37], а также уплату государственной пошлины или нотариального тарифа, в том числе льготного [цит. раб.: 36]. После этого, начиная с установленного времени, на текст «автоматически»

(эквитемпорально) распространяется действие принудительной силы государства, в результате чего он легализуется / «вступает в силу» (в английском языке – *law comes into force*) – превращается в правовой документ и вводится в юридический / гражданский оборот, становясь элементом юридического дискурса. В результате юридический (нотариальный) текст – как оригинальный, так и переводной – приобретает некое свойство, которое будет его принципиально отличать от прочих текстов (художественных и нехудожественных), а именно – перформативность: способность «порождать юридические последствия» [20: 175], т.е., непосредственно конструировать свою пропозицию и влиять на её надлежащее исполнение (*performance*) в соответствующих институциональных обстоятельствах [22: 8–9].

Думается, что использование концепции перформативности оказалось столь востребованным при изучении взаимодействия юридического дискурса и юридических текстов не только в силу её генезиса [11: 28–36]. Так, признаки аутентичности и исполнительной силы как сущностных свойств нотариальных актов французского нотариального дискурса [1: 57] парадоксальным образом во многом совпадают с характеристиками перформативности в рамках теории речевых актов [2: 146–147]. Французский нотариальный дискурс (так называемый нотариат латинского типа) часто рассматривается как своего рода «эталон» нотариального дискурса для континентальной системы права, «оказав значительное влияние на развитие нотариата не только в Европе, но и в других странах мира», причем «многие государства и сегодня стараются перенять лучший опыт французского нотариата и внедрить его в свою практику» [19: 58] (возможно, это одна из причин, по которой концепция перформативности Дж. Остина столь охотно и успешно была подхвачена французскими исследователями – Э. Бенвенистом и П. Бурдые [5: 54–55]). Документы, обладающие исполнительной силой, – это так называемые исполнительные документы, которые «будут исполняться в принудительном порядке в случае неисполнения их требований в добровольном порядке,.. поскольку нормой является добровольное исполнение» [1: 13]; в российском нотариальном дискурсе к ним относятся, в первую очередь, исполнительные надписи, их исполнение гарантируется принудительной силой государства. С исполнительной силой тесно связано понятие аутентичности, в XI – XII вв. заимствованное из церковного права Северной Италии [цит. раб.: 53] и предполагающее силу и достоверность содержания (проверку на достоверность уполномоченным на то лицом – нотариусом) нотариальных актов, которые не могут быть кем-либо оспорены [цит. раб.: 49]. В этом смысле аутентичность нотариальных актов «означает не что иное как презумпцию достоверности его происхождения, относящуюся к его доказательственной силе; исполнимость акта без необходимости вынесения судебного решения [*ipso facto* – «в силу самого себя», ключевой признак перформативности – А.Б.] представляет собой исполнительную силу нотариального акта» [цит. раб.: 72]. Перформативными в

данных случаях являются сами тексты вне зависимости от наличия в них перформативных предикатов.

Таким образом, взаимосвязь юридического дискурса и юридических текстов носит комплексный характер, для изучения и более полного осмысления которого уместно воспользоваться интегративным потенциалом теории речевых актов и семиотики, позволяющим описать протекающие в этих дискурсах и текстах процессы в эпистемологическом поле языкознания с учетом возможных междисциплинарных нюансов.

Список литературы

1. Батухтина Е.М. Исполнительная сила нотариального акта в праве России и Франции (сравнительно-правовое исследование). М.: Статут, 2016. 173 с.
2. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В.В. Богданов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 280 с.
3. Бородина А.В. О формах переводческой (само) рефлексии // Материалы всероссийской (с международным участием) герменевтической конференции «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании» / Отв. ред. Н.Ф. Крюкова [Электронный ресурс]. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 16–27.
4. Бородина А.В. Собственный опыт как текст: некоторые методологические аспекты анализа переводческой мемуаристики // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. Вып. 16. С. 10–17.
5. Бородина А.В. Теоретико-методологические предпосылки изучения перформативности как свойства юридических текстов // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. Вып. 17. С. 51–57.
6. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 176 с.
7. Залевская А.А. Интегративный подход к проблеме знака в трудах Ч.С. Пирса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 14–21.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
9. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 224 с.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
11. Миловидов В.А., Бородина А.В. Категория перформативности в контексте проблематики юридического дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 28–36.
12. Палашевская И.В. Жанровая организация юридического дискурса: социоллингвистический подход // Вестник Удмуртского университета. Серия: Филология. 2012. Вып. 2. С. 146–151.
13. Селезнева Л.В. К вопросу о соотношении текста и дискурса // Вестник СВФУ. 2014. Т.11. №5. С.67–75.
14. Сусов И.П. Введение в языкознание: учеб. для студентов лингвистических и филологических специальностей. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 379 с.
15. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / пер. с нем. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2017. 356 с.

16. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма: ИНФРА–М, 2016. 320 с.
17. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 208 с.
18. Честнов И.Л. Герменевтическая парадигма в историко-правовой науке // Парадигмы юридической герменевтики / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 236–344.
19. Шамба Т.М., Кокин В.Н., Шамба Н.Т. Нотариат в Российской Федерации: учебник. М.: Норма: ИНФРА–М, 2011. 304 с.
20. Шлепнев Д.Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении // Языкознание. 2017. №12(78). Ч.2. С. 174–177.
21. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / перев. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. СПб.: «Симпозиум», 2004. 544с.
22. Austin J.L. How to do things with words. Oxford University Press, 1962 [Электронный ресурс] URL: <http://bookre.org/reader?file=795184&pg=1> (дата обращения: 15.11.2018).
23. Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. Vol. I. London: John Murray, Albemarle Street, 2018: репринтное издание 1885г. 540 p.
24. Bourdieu P. Language and Symbolic Power: translated by G. Raymond and M. Adamson / edited and introduced by J. B. Thompson / P. Bourdieu. Harvard University Press, 2003. 402 p.
25. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the subversion of Identity. Routledge, 1999. 254p.
26. Foucault M. The History of Sexuality. Volume I: an Introduction: translated from the French by R. Hurley / M. Foucault. Vintage Books, 1990. 170 p.

INTERACTION OF LEGAL DISCOURSE AND LEGAL TEXT AS EXEMPLIFIED IN NOTARY TEXTS

A. V. Borodina

Tver State University, Tver

The paper deals with key issues of interrelation between discourse and text in the light of legal discourse. The author highlights peculiarities of legal semiosis and discusses possible interaction of legal and linguistic categories, as exemplified in notary texts, to ensure relevant description and deeper comprehension of processes occurring in legal texts through the lens of linguistics and interdisciplinary integrative approach.

Keywords: juridical text, legal discourse, semiosis, theory of speech acts, performativity, enforceability.

Сведения об авторе:

БОРОДИНА Анна Владимировна – аспирант факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ, старший преподаватель кафедры экономики предприятия и менеджмента Института экономики и управления ТвГУ, e-mail: juristka80@mail.ru